

«Ученик?»

Взгляд Гао Линъяо мгновенно обледенел. Он достиг уровня Истинного господина, идя по Пути Талисманов, и от статуса Бессмертного господина его отделял лишь полушаг. Вспышка гнева столь могущественного заклинателя заставила воздух в лавке прийти в движение без единого порыва ветра. Развешенные вдоль стен наряды со свистом затрепетали, а давящая аура Истинного господина обрушилась на помещение с такой силой, будто собиралась сорвать крышу.

Лавочник с жалким видом упал на колени и запричитал:

— Маленький человек правда не ведает, кто они такие! Нам лишь показалось, что Бессмертный господин в белом выбирал юноше одежду... Уж больно близкими выглядели их отношения!

Слуга, стоявший за спиной Гао Линъяо, сделал шаг вперёд и едва слышно шепнул:

— Истинный господин, мы в городе Цину. Здесь всем ведом ваш лик, к тому же вы — прямой наследник рода Гао. Не стоит учинять расправу...

Бешеный вихрь утих. Гао Линъяо прищурил свои миндалевидные глаза. Похоже, ему в голову пришла какая-то мысль, потому что выражение его лица смягчилось, и он со жгучей ухмылкой переступил порог пошивочной.

— Парнишка-то юн, это верно, но в ученики? Исключено. Со времён эры Цзяси Шэнь Хуайцзюнь никого лично в ученики не брал, — безмятежно проронил он.

Слуги переглянулись в полном недоумении. Один из них несмело спросил:

— А как же глава ордена Цинь?

В мире культивации каждому было известно: Цинь Минчжэ считался вторым учеником Шэнь Хуайцзюня, и его имя до сих пор красовалось в списке юных талантов бессмертных орденов.

Гао Линъяо лишь презрительно фыркнул:

— Цинь Минчжэ? Хех, он, как и Чао Тин, сам припёрся в орден Цинсяо с нижайшими просьбами принять его. Шэнь Хуайцзюнь их в лучшем случае приютил. А вот я... Я единственный, ради кого Шэнь Хуайцзюнь совершил омовение, воскурил благовония и вознёс благодарственные молитвы духам гор Цинсяо. Я его единственный настоящий, по всем правилам наречённый старший ученик!

Поднявшись по извилистой горной тропе ордена Цинсяо, миновав несколько изящных беседок и перейдя через высокий висячий мост, Шэнь Хуайцзюнь привёл юношу к уединённому и тишиной объятому подворью. Двор преграждал плотный барьер духовной энергии. Шэнь Хуайцзюнь лёгким касанием пальца прикоснулся к нему, и защита с тихим гулом распахнулась, словно приветствуя возвращение своего законного владельца.

Каждая пиала, каждый чайник в этой усадьбе сохранили тот же вид, что и двадцать лет назад. Здесь не было ни пылинки, а вода в чайнике всё ещё оставалась тёплой.

Войдя в главный зал, Шэнь Хуайцзюнь снял шляпу с вуалью и, опершись рукой о край стола, перевёл дыхание.

Его духовные силы упали на самое дно. Пеший подъём от самой горы Цину до вершин Цинсяо истощил тело до предела. Юноша с любопытством уставился на сад лекарственных трав; Шэнь Хуайцзюнь лишь слабо взмахнул рукой, позволяя тому ходить где вздумается.

Подперев голову ладонью, он прикрыл глаза и незаметно для себя погрузился в сон.

Сколько пролилось времени в том забытьи, он не знал. В полусне Шэнь Хуайцзюню показалось, будто снаружи метнулся белый силуэт. Кто-то вбежал в комнату и с глухим стуком упал перед ним на колени, уткнувшись в его ноги.

— Старший брат! — раздался надрывный, исступлённый вопль.

Крик был настолько пронзительным, что со стороны могло показаться, будто здесь оплакивают покойника.

Шэнь Хуайцзюнь моментально очнулся и распахнул глаза. Перед ним снизу вверх жалостливо и беспомощно смотрело залитое слезами личико.

— Старший брат! Ты не погиб! Я так и знал, тебя берегут небеса, ты не мог умереть! — Бай Шэн заходился в рыданиях, уронив на подол его одежды очередную слезу безмерной радости.

Вслед за ним во двор гурьбой хлынули многочисленные адепты ордена. Мо Яньхань, впервые наблюдавший подобное представление, откровенно веселился и, облокотившись о дверной косяк, с интересом следил за происходящим.

Заслышав стенания Бай Шэна, Мо Яньхань задумчиво огласил:

— Пойдите-ка... Разве у бессмертных орденов нет звёздных ламп жизненной силы? Бессмертный господин Бай Шэн разве не проверял их в эти дни?

— ...

Бай Шэн поперхнулся словами, но тут же крепче сжал колени Шэнь Хуайцзюня и зарыдал ещё пуще, торопливо меняя тему:

— О Небеса! Все эти дни я не находил себе места, ни спать, ни есть не мог! Едва вспомню, что из троих братьев нас осталось лишь двое, сердце разрывается от боли! Я был готов сойти за тобой в могилу! Пускай в следующей жизни ты станешь младшим братом, а я — старшим, чтобы хоть так отплатить за твою многолетнюю опеку! Старший брат... Ты вернулся, наконец-то ты вернулся!

Речь звучала настолько надрывно, плачевно и с виду искренне, что собравшиеся вокруг ученики скорбно вздыхали и качали головами, а особо чувствительные и вовсе утирали слёзы.

И тут в эту гармонию всеобщего скорбного сочувствия безжалостно врезался чужой голос:

— Так за столько дней ты почему-то так и не отправился за ним в могилу.

Мо Яньхань нахмурился. Этот Бессмертный господин выглядел цветущим и бодрым — судя по румяным щекам, перед приходом он уплетал рис за обе щеки и на здоровье явно не жаловался.

В комнате воцарилась неловкая, звенящая тишина. Все присутствующие как один обернулись к юноше, которого привёл Шэнь Хуайцзюнь. «Откуда взялся этот неотёсанный деревенщина? Понятия не имеет о субординации! Перед ним великий Бессмертный господин Бай Шэн, он что, действительно желает ему смерти?»

Бай Шэн же, приподняв голову и приложив ладонь к груди, пролепетал:

— Старший брат... Ты так долго не возвращался в орден Цинсяо... Неужто ты затаил на меня обиду?

Лицо Шэнь Хуайцзюня оставалось безучастным. Как и много лет назад, он бережно приподнял лицо Бай Шэна за подбородок. Его подушечка пальца касалась едва заметного шрама у уголка тонких губ младшего брата, а взгляд устремился куда-то вдаль.

Прошлым главой ордена Цинсяо был Бессмертный почтенный Линсю. У него имелось трое учеников: Шэнь Хуайцзюнь занимал второе место, а Бай Шэн — третье. Учитель подобрал Бай Шэна на дороге, когда тот был лишь нищим оборвышем.

В детстве Бай Шэн много болел, и к тому же являлся самым младшим. Шэнь Хуайцзюнь вместе со старшим братом души в нём не чаяли. Даже когда учитель дал им строжайшее указание освоить Великую формацию Девяти Оборотов Пленения Дракона, они со старшим братом, не желая подвергать малыша мучениям, тренировались вдвое усерднее, лишь бы занять его место в формации.

Он отдавал младшему брату всю свою любовь без остатка. А Бай Шэн в ответ отобрал его ученика, осквернил его доброе имя... Кабы не откровение небесного грома, Шэнь Хуайцзюнь до сих пор не поверил бы в подобное предательство.

Этот «бедный, добрый» младший брат, любивший склонять голову на его колени, день и ночь мечтал лишь об одном: чтобы Шэнь Хуайцзюнь лишился чести и как можно скорее испустил дух — и всё ради титула Первого бессмертного господина Цинсяо.

Тихо вздохнув про себя, Шэнь Хуайцзюнь равнодушно произнёс:

— Я понял.

Он убрал руку и отвёл отстранённый взгляд.

Бай Шэн замер. Прежде любое его капризное прошение исполнялось мгновенно: стоило ему пустить слезу, как Шэнь Хуайцзюнь заходилась от жалости. Но сейчас прежнее средство неожиданно дало сбой.

Бай Шэн, впрочем, недоумевал недолго, списав всё на то, что старший брат побывал в лапах смерти и ожесточился душой.

— Старший брат, — снова подал голос Бай Шэн, глядя на него снизу вверх. — Раз уж тебе удалось сбежать из цепких лап гибели, к чему возвращаться с таким шумом? На тебе висят тяжкие обвинения... Как же мне теперь уберечь тебя?!

Не успел он снова уткнуться лицом в ладони и затянуть своё наигранное рыдание, как снаружи раздался спокойный, веский голос:

— Бессмертному господину Бай Шэну не следует бросаться непотребными словами. Шэнь Хуайцзюнь невиновен.

В комнату вошёл маленький мальчик в сером халате. На вид ему было лет восемь-девять — обычный возраст для новоприбывших послушников ордена Цинсяо. Однако стоило ему переступить порог, как все присутствующие мгновенно склонили головы, не смея поднять взгляд.

Шэнь Хуайцзюнь, увидав его, слегка кивнул:

— Лю Чжай.

Несмотря на детский облик и миловидное, словно у нарисованного на праздничных картинках младенца, личико, Лю Чжай всегда держал строгое выражение. Быстрыми мелкими шажками он приблизился к главному креслу и велегласно объявил:

— Шэнь Хуайцзюнь невиновен. Отныне никому в ордене Цинсяо не дозволено вести суетные речи на этот счёт. Нарушивших сей указ ждёт суровая кара по законам ордена.

Бай Шэн застыл в оцепенении. Забыв вытереть слёзы в уголках глаз, он вцепился в полы одеяния мальчика:

— В самом деле... невиновен?

— Именно. Хотя Пруд Уничтожения Бессмертных способен перемолоть духовную душу в труху, семьсот лет назад уже имелся случай, когда осуждённого выпустили из вод пруда. Впоследствии выяснилось, что тот человек не совершал вменяемых ему злодеяний, — громко чеканил Лю Чжай. — Следуя древнему прецеденту, я объявляю: Шэнь Хуайцзюнь невиновен.

Эти слова заставили всех ахнуть от изумления. Стоявшие во дворе ученики вовсю тарасили глаза; кто-то недовольно бурчал про чрезмерную поспешность решения, однако никто так и не осмелился выйти вперёд с возражением.

Лишь спустя некоторое время Бай Шэн еле слышно пробормотал:

— Но как быть с кланами заклинателей за пределами нашего ордена? В особенности с семьёй Ду из Цзиньси... Весь их род был истреблён руками Шэнь Хуайцзюня...

— Если клан Ду осмелится прийти за расчётом, я лично выйду к ним, — фыркнул Лю Чжай. — Не поверю, будто в поднебесном мире найдётся хоть кто-то, чей разум и познания превзойдут мои!

Поняв, что спорить с Лю Чжаем бессмысленно, Бай Шэн тотчас прикусил язык. Лицо его снова преобразилось, и он со слезами на глазах вновь попытался прильнуть к Шэнь Хуайцзюню:

— Какое счастье! Воистину, Небеса сжалились над моей тяжкой долей и сохранили мне старшего брата!

— ...

Шэнь Хуайцзюнь остался безучастен:

— Возвращайся к себе. Я устал.

Бай Шэн послушно закивал и поплёлся прочь, непрерывно оглядываясь, будто превратился в того самого маленького послушника, который когда-то стоял на вершине горы и со слезами провожал старшего брата. Ученики один за другим покидали подворье, и не прошло и пяти минут, как в усадьбе вновь воцарилась прежняя благодатная тишина.

Заметив это, Лю Чжай запрыгнул на стул, пошарил пухлой ручонкой в кармане и вытащил фарфоровый флакон с пилюлями.

Увидев снадобье для исцеления духовных каналов, Шэнь Хуайцзюнь приподнял бровь:

— Ты даже не касался моего пульса. Откуда тебе знать, что моя культивация разрушена?

— В Павильоне священных книг записано: у того заклинателя, что семь столетий назад выкарабкался из Пруда Уничтожения Бессмертных, все духовные каналы были разорваны небесным громом, — прохладно отозвался Лю Чжай. — Бери. Не думай, что это бесценный эликсир, я просто соблюдаю приличия.

Шэнь Хуайцзюнь улыбнулся и принял флакон. На его запястье алела свежая красная отметина — след ногтей Бай Шэна.

Даже при первой встрече Шэнь Хуайцзюнь до последнего отказывался верить, что его младший брат способен на такую низость. Но пока Бай Шэн рыдал у него на коленях, изображая неистовое горе, его пальцы мёртвой хваткой сжимали запястье Шэнь Хуайцзюня, проверяя остатки духовных сил. И Шэнь Хуайцзюнь отчётливо видел, как на лице «рыдающего» младшего брата мельком блеснула ликующая ухмылка.

Узнав, что духовная сила старшего брата уничтожена без остатка, Бай Шэн, должно быть, на седьмом небе от счастья?

— К слову, зачем ты вообще вернулся? Чтобы сносить унижения в ордене Цинсяо? — напрямую спросил Лю Чжай. — С твоим-то характером следовало бы укрыться от мира и до конца дней не показывать носа.

Шэнь Хуайцзюнь поднял взгляд. Вдали, у пруда с лотосами, Мо Яньхань беззаботно плескался в воде. Шэнь Хуайцзюнь уже собрался напрямую выложить всё о пробуждении Владыки призраков, но едва разинул рот, как слова застряли в горле.

— Да что случилось-то? — поторопил его Лю Чжай.

Шэнь Хуайцзюнь опустил руку и пальцами тихонько повёл по золотой вышивке на подоле плаща из вороньих перьев с золотой нитью. Лишь спустя долгое время он отозвался:

— Я беспокоюсь о старшем брате. Когда он возвращается?

— Он? — На детском личике Лю Чжая отразилось полное недоверие, однако он задумчиво нахмурился: — Этот проходимец отправился в странствия вместе с твоим учителем. Верно, застряли в каком-нибудь тайном царстве. А из таких мест весточки не доходят.

Шэнь Хуайцзюнь сдвинул брови. Чем глубже он погружался в мысли, тем бледнее становилось его лицо.

— Что за беда приключилась, раз тебе потребовалось срочно вызывать этого оболтуса?

На этот вопрос Шэнь Хуайцзюнь лишь тихо отвёл взгляд:

— Я уже говорил об этом. Но мне никто не поверил. Смысл повторяться?

Шэнь Хуайцзюнь проводил Лю Чжая до ворот усадьбы. Повернувшись, он обнаружил, что к нему вплотную подошёл Мо Яньхань. Тёмные, как ночь, глаза юноши неотрывно следили за удалявшейся фигурой Лю Чжая с таким азартом, словно голодный волк приметил жирную добычу.

Вспомнив, как дерзко парень язвил в адрес Бай Шэна, Шэнь Хуайцзюнь спросил:

— Похоже, тебе совсем не по душе Бай Шэн?

Мо Яньхань презрительно скривил губы:

— Сердце у него гнилое.

Внутренности этого человека уже давно истекали гноем и гнилью, ничем не отличаясь от того червивого сердца, что Мо Яньхань видел два века назад. Отличный вышел бы экспонат для украшения входа во Дворец Владыки Призраков! Жаль только, прекрасный Шэнь такой подарок едва ли оценит.

Шэнь Хуайцзюнь тихо усмехнулся:

— Раз понимаешь, что он за человек, не лезь к нему. Ныне он носит титул Бессмертного

господина Цинсяо и держит в руках всю власть над орденом.

— Да понял я, — безразлично бросил Мо Яньхань, продолжая с жадным прищуром смотреть вослед уходящему Лю Чжаю и с лёгким скрежетом сжимая клыки.

<http://bllate.org/book/20545/2115641>